

Версия разведчика

Леонид КОЛОСОВ

Личность Марии Игнатьевны Закревской (в дальнейшем Бенкендорф и Будберг) вряд ли вызвала бы какой-либо интерес, если бы не легенды и слухи прошлого и последнего времени. Так, поэт Андрей Вознесенский представляет ее «...пленивательной авантюристкой, сквозь сердце которой прошли литературные и политические чемпионы столетия — как-то: Горький, Уэллс, Локкарт, Петерс и другие. Подобно своей утесовско-лещенковской тезке, она была отважной Мурой литературных и политических салонов, держала мировую игру, где риск и ставки были отнюдь не меньше. Она ходила по канату между Кремлем и Вестминстером». Вот так и никак не меньше! Впрочем, оценки А. Вознесенского вторичны, ибо родились они после ознакомления его с книжкой писательницы-эмигрантки Нины Берберовой под интригующим названием «Железная женщина». Этот «роман-информация» (так окрестил его поэт), опубликованный в журнале «Дружба народов» в 1989 году, вызвал у него настоящее восхищение.

Основных источников сведений о Марии Закревской у меня было три: «Железная женщина» Н. Берберовой, мои собственные итальянские расследования, некоторые рассекреченные архивные материалы внешней разведки и, наконец, сохранившаяся у меня в записях конфиденциальная беседа с бывшим литературным секретарем Горького и моим добрым учителем в журналистике Михаилом Александровичем Цейтлиным-Михайловым.

ретными службами, за что и была расстреляна французами.

При знакомстве с историей жизни Закревской как-то сама собой напрашивается аналогия ее с легендарной голландкой. Пробежимся по Муриным основным семейным «операциям». Первое замужество. Супруг Муры граф И. А. Бенкендорф, прежде чем быть застреленным «не то белыми, не то красными» летом 1918 года, успевает узнать, что его жена влюблена в английского дипломата Локкарта и уже успела изменить своему супружескому долгу. И не только это. Муру в начале сентября 1918 года ночью берет из постели Локкарта наряд чекистов во главе с преданным помощником «железного Феликса» Яковом Петерсом. Истории не известно, привез ли он Муру сразу в ЧК или к себе на квартиру, переложил ее, так сказать, из кровати в кровать на предмет приобретения «ценного агента».

Так или иначе, но мадам оказалась в подвалах Лубянки. И вот, как свиде-

баронесса, с которым она не расстанется до конца беспутных дней своих. Сам же барон, большой гуляка за счет денег друзей своей вновь приобретенной жены, отправляется в послесвадебное одиночное путешествие в Латинскую Америку и исчезает навсегда из поля зрения жены. А у новоиспеченной баронессы действительно появляются новые друзья. И какие!

По рекомендации писателя Корнея Чуковского Мура начинает работать секретарем издательства «Всемирная литература», во главе которого стоит Алексей Максимович Горький. А вскоре любвеобильная баронесса уже плотно приклеивается к «буревестнику революции», звалась на себя не только секретарские функции (регистрация и ответы на многочисленные письма, подборку для писателя наиболее важных статей из газет и журналов на предмет их прочтения, машинописные работы), но и удовлетворение плотских вожделений Алексея Максимовича. Их комнаты-спаль-

на лице. Она рассказала буквально следующее: «Вы знаете, я ведь обслуживала Массимо, когда он приезжал сюда лечиться от хохотки. О, это был настоящий мужчина — немногословен, но неутомим... Кстати, слышала я от разных гостей, приезжавших сюда, что вашего великого писателя загубила какая-то блудница со странным именем, которая пасла его в Сорренто». Аджубей смеялся больше всех, и я решился спросить у него:

— А кто же она, эта блудница?

— Разве «итальянский ас» не знает о трагическом романе Горького со своей секретаршей, которая была к тому же баронессой? Сам «буревестник» и его друзья называли эту даму Мурой. А фамилий было у нее очень много. Как там ее?

— Закревская, Бенкендорф, Будберг... — подсказал кто-то из аджубеевской команды.

А через некоторое время у меня была встреча с одним из наших аген-

давшая артритом и передвигающаяся с помощью толстой трости. Говорила по-итальянски с сильным английским акцентом и во время разговоров часто прикладывалась к «флакону» со спиртным, который всегда носила с собой. За два месяца до смерти у нее сторежи рукописи и личный архив, которые она хранила почему-то в автомобильном трейлере, стоявшем около дома, там же она и работала над своими, как она рассказывала соседям, последними мемуарами. Баронесса невозмутимо наблюдала за тушением пожара, а когда все благополучно закончилось, она вышла из сумки «флакон», отхлебнула из него и спокойно заковыляла домой. Жить ей оставалось около двух месяцев...

Оказалось, что личного дела Муры в архиве Службы внешней разведки нет. Но имеются оперативная справка на нее и ряд документов из других дел (в том числе и попавших к нам после разгрома гитлеровской Германии из архивов немецкой разведки), где Закревская проходит в качестве одного из персонажей. Однако даже очень подозрительные и пунктуальные немцы не смогли уличить нашу Муру в международном шпионаже. И в конечном итоге они пришли к выводу, что самое вероятное из всех невероятных предположений на ее счет заключается в том, что она была агентом ЧК. Сие не отрицаем и мы. Только слово «агент» слишком высоко для определения секретной деятельности Марии Игнатьевны. Она была осведомителем у чекистов, или, попросту говоря, стукачкой. А случалась она в основном на своего любимого Алешу Горького...

Источник третий, или Последняя исповедь

В «Известия» я пришел в марте 1962 года как журналист-разведчик. Редактор иностранного отдела

Михаил Александрович Цейтлин, который подписывал свои публикации простой фамилией Михайлов, поначалу принял меня недружелюбно, строго и даже

брезгливо. Однако неприязнь со временем переросла в большую дружбу.

Когда 30 декабря 1980 года меня назначили заместителем главного редактора «Недели», «дядя Миша» поздравил меня по телефону. Он болел, и в первые дни января я захотел навестить его. Поговорили о том, о сем. Он уже знал, что я ушел из внешней разведки. «Ну и правильно, — сказал он, — ты хороший журналист, нечего попусту годы тратить и рисковать жизнью незнанию за что. Ты еще, Леня, не родился, а я начал заниматься журналистикой, и мало кто знает, что я был одним из помощников самого доверенного лица Горького, его литературного секретаря и управделами одновременно — Крючкова».

И вот тут я рассказал о своих итальянских изысканиях в отношении Муры и ее причастности к смерти «великого пролетарского писателя». Михаил Александрович внимательно посмотрел на меня: «Ты очень близок к истине, Леня. Я тебе расскажу одну историю, но пересказывать или переписывать ее ты будешь только после моей смерти».

Дело в том, что в день смерти Горького (а это случилось 18 июля 1936 года) я находился в знаменитом особняке Рябушинского (что на улице Качалова) рядом с Крючковым, был, так сказать, у него на подхвате. Неожиданно началась какая-то суматоха, появились решительные молодые люди в штатском, а затем — и Ягода вместе с Марией Игнатьевной, которая, насколько мне было известно, сбежала от Горького в Лондон. Из комнаты, где лежал больной писатель, были удалены абсолютно все. Беседа Алексея Максимовича с Мурой продолжалась около сорока минут. Потом дверь открылась, она вышла и в сопровождении Ягоды с его охранниками покинула дом. А через двадцать минут началась паника. Дежурный врач срывающимся голосом объявил нам, что Горький скончался... Я незаметно ушел, а потом много ночей ждал, когда позвонят в дверь...

— Горького «успокоила» Мура?

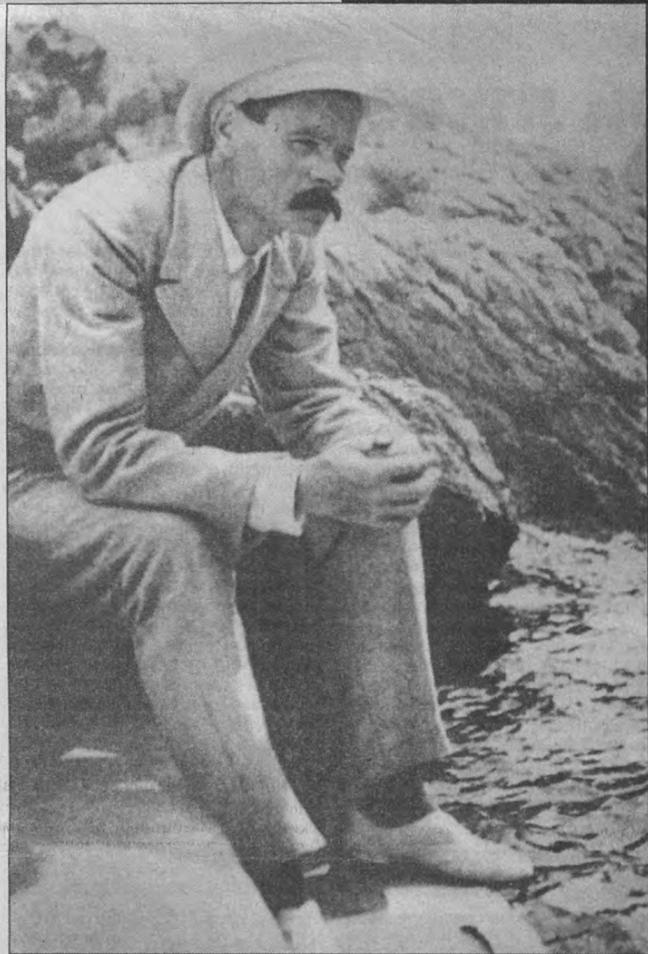
— Думаю, да, хотя доказательств тому нет никаких. На ночном столике Алексея Максимовича стоял стакан с недопитой водой. Но он куда-то сразу исчез... И еще одна странность. Из восьми врачей, лечивших Горького, допрашивали, пытали и расстреляли только двоих.

...Что же, я не нарушил слова, данного моему учителю, и впервые обнародую его удивительный рассказ. Впрочем, почему удивительный? Из последней командировки в

РОКОВАЯ БАРОНЕССА

Кто помог Горькому уйти из жизни

На телеканале ОРТ недавно был показан четырехсерийный «историко-биографический кинороман» о Максиме Горьком «Под знаком Скорпиона». Сегодня мы предлагаем читателям «ВМ» рассказ бывшего разведчика и журналиста Леонида Колосова о бывшей подруге Алексея Максимовича, для писателя просто Муры, которая, по версии автора, поставила последнюю точку в сложной жизни «буревестника революции...».

Капри. Алексею Максимовичу есть о чем подумать

Источник первый, или «Красная Мата Хари»

Нина Берберова дружила с Марией Закревской. Отношения у них были хорошие, но не близкие и лишены эмоциональной окраски. Три года они прожили под одной крышей, что дало основание Берберовой считать, что знает о Марии все. Например, она пишет так: «Два замужества М. И. З., которые в ее судьбе не сыграли особой роли, были исковерканы и даже прерваны российской катастрофой. Мура принадлежала стране, эпохе, классу, и в этом классе каждый второй был истреблен. Мура боролась, шла на компромиссы и выжила... Как? Когда я стала проверять ее рассказы, я увидела, что она всю жизнь лгала о себе...».

Говорят, что Мура работала сразу на три секретные службы: советскую (ВЧК), английскую и германскую. И не только это. Сия разносторонняя дама была, так сказать, профессиональной любовницей. Она сожительствовала (по любви или за деньги — того не ведаю) с английским разведчиком Локкартом, писателем-фантастом Уэллсом, председателем ревтрибунала ВЧК Петерсом и «буревестником революции» Пешковым-Горьким, не говоря уже о двух мужьях — графе Бенкендорфе и графе Будберге — и десятках (а может быть, сотнях) других разноязычных и разносословных донжуанов, имена которых забывались уже на утро после проведенной ночи.

Максим Горький и Мария Закревская

тельствуют некоторые английские источники. 4 сентября 1918 года сэр Роберт Брюг Локкарт, которого чекисты уже считали главным действующим лицом «заговора Антанты», обратился в Комиссариат по иностранным делам с просьбой об освобождении Муры. Получив отказ, он решил напрямую обратиться к Петерсу и отправился на Лубянку, где вызвал «большого бесполое существо» своим появлением. Однако Петерс терпеливо выслушал просьбу Локкарта и, сказав ему, что все заверения по поводу непричастности Муры к заговору будут приняты во внимание, вдруг заявил: «Вы избавили меня от многих хлопот. Мои люди ищут вас уже целый час. У меня есть ордер на ваш арест...».

Локкарт был немедленно арестован и провел в заключении несколько недель. Ну а Мура, спросите вы? А Муру освободили и даже предоставили возможность ей посещать своего любовника в Кремле. Да, да, в Кремле, ибо Локкарт провел свое заключение в комфортабельной квартире бывшей фрейлины императрицы. Правда, с ним на всякий случай поселили Яна Берзина — будущего начальника Разведуправления РККА...

В октябре Локкарт в числе других представителей «миссий Антанты» был разрешено вернуться домой в обмен на освобождение российских официальных лиц, задержанных в Лондоне... Прощание Локкарта с Петерсом было, как писал в своих мемуарах британский разведчик, весьма трагическим. Петерс самозачин пришел к своему арестанту, чтобы сообщить об освобождении. Он подарил ему на память свою фотографию с автографом, сказав на всякий случай: «Наверное, как только вы выйдете отсюда, то будете поносить и проклинать меня как своего самого заклятого недруга». Локкарт посоветовал своему бывшему тюремщику, чтобы тот не валил дурака. «Если оставить политику в стороне, — вспоминал он, — я против него ничего не имел. Всю свою жизнь я буду помнить то добро, которое он сделал для Муры...»

После освобождения Локкарт вернулся в Лондон, а Мура... Мура оказывается в Эстонии, где молниеносно выходит замуж за некоего барона Николая Будберга, проходивца и бездельника, с которым фактически не живет, ибо ей необходим только титул

ни постоянно размещаются рядом во всех дальнейших итальянских скитаниях-сказках «пролетарского писателя» вплоть до его возвращения в Россию в 1931 году...

Мура была прорзорливой женщиной. Она не только дружила с ВЧК-ГПУ, снабжая чекистов информацией о жизни и настроениях сожителя, но и готовила почву для своего дальнейшего безбедного существования. Горький болел, потенция его ослабла, и «железная женщина» нужен был другой — «железный» мужчина. Таким оказался писатель-фантаст Герберт Уэллс, с которым литературная секретарша начала сожительствовать с 1935 года, то есть за год до смерти «буревестника». Фантаст прожил с баронессой Мурой около тринадцати лет и даже вроде бы неоднократно предлагал соединить их сексуальные отношения законным браком. Но мадам не захотела — видимо, решила умереть баронессой...

Заканчивая свой «роман-информацию», Н. Берберова пишет: «...В конце некролога «Таймс» мы находили ее (Муру. — Л. К.) рассказ, до того не известный, о том, что она происходила по прямой линии от императрицы Елизаветы Петровны, от ее мorganатического брака с Алексеем Разумовским».

Источник второй, или Итальянские сказки

В марте 1963 года, когда я уже начал свою разведывательную деятельность в Италии под «крышей» собственного корреспондента «Известий», в Рим пожаловал мой, так сказать, гражданский шеф — главный редактор газеты, с тайной миссией, порученной ему самолитом Никитой Хрущевым, — встретиться с папой римским Иоанном XXIII на предмет возможного заключения межгосударственного соглашения и дипломатических отношений между Советским Союзом и государством Ватикан.

Вместе со своей супругой Радой он путешествовал по Италии. Оказались мы на острове Капри и, конечно же, посетили виллу, на которой проживал и трудился в оные времена Алексей Максимович Горький. Здесь мы встретили старую-престарую итальянку со следами былой красоты

тов. Он был вхож в литературные круги не только Италии, а и многих других стран, состоял членом известного ПЕН-клуба и всегда находился в курсе наиболее важных событий европейской культурной жизни и самых свежих слухов. Я спросил у него, что он знает об итальянских периодах жизни Горького и о его секретарше Марии Игнатьевне Будберг. «О, это была блестящая пуганка! Сверхпрофессионалка, — отвечал тот. — Она вертела вашим «буревестником», как хотела, и заставила его вернуться в Россию, где он стал «другом» Сталина. Кстати, именно благодаря Будберге у Сталина оказался в руках итальянский архив писателя, где не все бумаги и документы нравились вашему вождю...»

Собеседник внимательно поглядел на меня и тихо добавил: «Я не совсем уверен, Леонид, что это так, но у меня есть некоторые свидетельства о том, что бывшая секретарша Горького, приехавшая в Россию и побывавшая у постели своего тяжело больного любовника, ускорила его кончину, действуя по заданию чеки-

По делу проходит БУДБЕРГ, она же ЗАКРЕВСКАЯ, она же БЕНКЕНДОРФ, она же УНГЕР-ШТЕРНБЕРГ, Мария Игнатьевна, 1892 года рождения, уроженка гор. Полтавы, дочь крупного помещика, английская подданная, проживавшая (по данным за 1951 год) в Германии по адресу: Фюрстен, Дельдерюк (Верхняя Бельгия), Айшертрассе 7 (визитная виза).

В 1910 году БУДБЕРГ вышла замуж за БЕНКЕНДОРФА — племянника, придворного Николая-Павла. С мужем часто бывала за границей, одно время работала в русском посольстве в Берлине. В Петербурге дружила с дочерью БЕНКЕНДОРФА (быв. английская просел в России) и известным английским разведчиком ЛОККАРТом, являвшимся ее любовником. После революции БУДБЕРГ переехала к ЛОККАРТУ, вместе с которым была арестована по

стов. Ведь именно после этого подрудный Сталина со странной фамилией Ягода расстрелял многих «врагов народа» и даже личного секретаря Горького, которые якобы убили великого пролетарского писателя. Впрочем, эта версия нуждается в тщательной проверке. (Мой агент всегда оставлял некий резерв сомнений в любой информации.)

Вновь напомнила мне о Муры где-то в начале ноября 1974 года короткая заметка в одной из итальянских газет. В ней говорилось, что 2 ноября 1974 года в предместье Флоренции в доме своего сына скончалась баронесса Мария Будберг. Как рассказала автору корреспонденции соседи покойной, баронесса представляла собой весьма странное зрелище. Это была старая грузная женщина, стра-

Италию я привез четыре уникальных тома под общим названием «История шпионажа», изданных Географическим институтом Агостини. Во втором томе имеется глава, которая называется «Три палача Сталина», там, в частности, говорится: «В распоряжении Ягоды была группа врачей, которые отправляли на тот свет неугодных Сталину большевиков. Так были умышленно убиты Менжинский, Куйбышев, писатель Максим Горький и его сын Максим Пешков... Что касается Максима Горького, которого очень боялся Сталин, то писатель был отправлен по указанию Ягоды одним из самых тайных его агентов, коим была бывшая любовница Горького...»

Интересное совпадение, не правда ли?